Энакина предстояло уговаривать, чтобы он незаметно следовал намеченному пути. Вейдер, обученный тонкому искусству манипуляции Сидиусом, знал, как обращаться с мальчиком. Он прекрасно понимал ход его мыслей, ведь сам был таким же в юности. Ирония судьбы заключалась в том, что Вейдер поступал с сыном так же, как ненавидели джедаев и ситхов за их манипуляции с ним самим. Но это было не совсем то же самое. Цели Энакина, по сути, совпадали с его собственными, или, по крайней мере, будут совпадать, пока он не нарушит ход времени. Вейдер не заставлял Энакина идти по его стопам, не заставлял его становиться джедаем, если он того не желал. Но он настоял на том, чтобы сын увидел обе стороны Силы, прежде чем сделать выбор. Только тогда, когда Энакин решит, что его действия — это его собственная воля, он последует за ним. Вейдер должен был держать сына в неведении, по крайней мере, до тех пор, пока не раскроет ему всю правду. Пока существовала вероятность случайной встречи с джедаем (или ситхом), который мог бы почерпнуть знания из неокрепшего ума Энакина, Вейдер не мог позволить себе раскрыть все карты.Энакин был очень похож на него самого — наивный и безрассудный, как в детстве, но серьезный и зрелый во время обучения, как Вейдер в юные годы джедая. В нем формировалась собственная индивидуальность. В нем не было той циничной горечи, что появилась у Вейдера после запрета джедаев вернуться на Татуин, чтобы спасти мать. Он не был таким параноиком, как Вейдер во времена рабства, и был уверен, что никто не представляет для него угрозы. Он начал видеть оттенки серого между черным и белым, в которые Вейдер верил в юности. Энакину не нужно было беспокоиться о еде или наказаниях за неудачи. Он мог стремиться к высшим целям, стремясь произвести впечатление на Шми и на Вейдера. Эта перемена могла стать проблемой, если бы помешала Вейдеру предсказывать его действия. Но их связь была достаточно прочной, чтобы он мог без труда проникать в сознание Энакина, особенно во время медитации. Вейдер также вложил в голову сына знания об иностранных языках и истории тех мест, которые они посещали. Вейдер, будучи падаваном, вынужден был учиться всему этому самостоятельно, считая это пустой тратой времени, когда Кеноби мог бы просто поделиться знаниями через их связь. Было так много более важных вещей, практических и полезных. Удивительно, но единственное, чему Вейдер смог научить Энакина, в чем сам никогда не преуспевал, — это дисциплине.Им обоим свойственно было нарушать правила, бороться за свободу и против тех, кто пытался их угнетать. Кеноби, зная о вспыльчивом характере Вейдера, часто наказывал его, заставляя выполнять посреднические задачи, чтобы он мог справиться со своим нетерпением. Но это только раздражало его. Вейдер решил действовать по-другому: он просто откажется обучать Энакина Силе, если тот не будет слушаться. Он продолжит обучать его механике и полетам. Мальчику будет весело, так что это не будет казаться наказанием. Но его прогресс в обучении Силе, которым Энакин так гордился, замедлится. Вейдер объяснил, что сила требует самоконтроля, а лучший способ его развить — дисциплина. На самом деле все зависело от мотивации. С тех пор как Вейдер пообещал, что поможет Энакину изготовить его первый световой меч (несомненно, не последний, если Вейдер будет уметь терять оружие) к следующему дню рождения, если тот будет хорошо себя вести, проблем не возникало. Изначально он выбрал этот метод, чтобы Энакин усвоил максимум знаний за минимальное время. То, что сын стал более покладистым, было приятным бонусом.Будучи джедаем, Вейдер часто восставал против Кеноби, считая, что тот его сдерживает. Вейдер научил Энакина многим вещам, которые не осмелился бы попробовать ни один падаван его возраста, но при этом настаивал на том, чтобы во время разминки они возвращались к основам. Энакин думал, что это укрепляет его тело или связь с Силой, но на самом деле Вейдер просто не считал его форму совершенной. Джедаи могли бы заставлять его месяцами заниматься одним и тем же, прежде чем перейти к чему-то новому, а Вейдер знал, что Энакин лучше запомнит урок, если будет заниматься им дольше, но при этом время от времени будет чувствовать успех и прогресс, когда его сочтут готовым к обучению чему-то новому. Он мог позволить себе учить его таким образом, поскольку редко позволял Энакину сражаться с реальными противниками, и Энакин не узнавал его стратегию, поскольку не имел возможности сравнить свои навыки с

другими детьми своего возраста.— Ты знаешь, куда хочешь отправиться дальше? — спросила Шми, прервав размышления Вейдера. Три года назад это было бы невозможно, но новый спокойный образ жизни заставил даже его расслабиться. Конечно, только в присутствии этих двоих он мог сбросить маску неумолимого лорда ситхов, но это было больше, чем за последние два десятилетия.— Мы останемся на Таттуине на пару недель, — объяснил он. — Я подумал, что Энакину пора научиться обращаться с деньгами. Я бы хотел, чтобы он сам управлял магазином дроидов.Вейдер знал, что скоро на Таттуин прибудут Квай-Гон Джинн, Кеноби и его Падме (нет, на этот раз не его, но как бы он хотел, чтобы она была!). Энакину было важно встретить их. Мальчик ничего этого не знал. Вейдер просто предложил ему несколько вариантов того, как он может доказать, что способен сам распоряжаться своими деньгами. Он пообещал ему еще больше карманных денег, если в конце он сможет получить какую-то прибыль. Кроме того, он недвусмысленно намекнул, что из всех вариантов работа в магазине дроидов будет самой привлекательной. Манипулировал ли он своим сыном? Да, вероятно, манипулировал. Это был путь ситхов? Определенно. И все же Вейдер не жалел об этом. Его действия должны были привести Энакина на путь любви и счастья, в конце концов. Даже если случится самое худшее и он снова упадет — Вейдер предпочтет снова пройти через всю эту боль, чем никогда не узнать, что такое любовь и дружба.— Есть кое-что еще, — сказала Шми. — Я… Ну, я получила предложение о работе. — Что за предложение? — тут же поинтересовался Вейдер, бросив взгляд на Шми. — Это от Кальдии Хатт, приятельницы Рамбаса. Она предложила мне место надзирателя в их команде разработчиков программного обеспечения. — Ты гений во всем, что касается железа, — с легкой усмешкой заметил Вейдер, — а Шми всегда лучше разбиралась в программном обеспечении. С помощью СЗРО, который мог перевести для нее даже самые абстрактные машинные языки, Шми могла проникнуть в любую систему. Иногда Вейдер обращался к ней, чтобы она помогла ему выследить цель, взломав базы данных Республики или более скрытые сети, где охотники за головами обменивались информацией. — Но я знаю, что не из-за талантов тебе предложили эту работу, — Вейдер чуть прищурился. — Это попытка Рамбаса закрепить то тонкое взаимопонимание, которого он достиг со мной. — Вы хотите согласиться на эту работу? — спросил он. — Ну, они действительно хорошо платят, — Шми пожала плечами. — Если Ани возьмет магазин на себя на ближайшие пару недель, у нас будет время нанять кого-нибудь. Но я тоже не дура. Я понимаю, что по сути буду заложником. Стоять за прилавком и просто продавать вещи, должно быть, скучно для его матери. Эта должность ей подходила, и у нее была защита от хаттов, от врагов, которых Вейдер создал снаружи. — Хатты знают мое имя. С нынешними у меня никогда не было проблем, и я сомневаюсь, что будут в будущем. Если ты согласишься на эту работу, не забудь сказать Рамбе, что я уничтожу весь его клан, если с тобой что-то случится. Это должно удержать его в узде. Также потребуйте, чтобы вы могли уходить, когда захотите, без лишних вопросов. Шми мало что знала о том, чем Вейдер занимался в свободное время, но она не была слепой. Она знала, что он стоит за смертью Джаббы Хатта, а еще она знала, что периодическое сильное сокращение популяции тускенов совпадает с тем временем, когда Вейдер возвращается из путешествия. В какой-то момент она попыталась поговорить с ним об этом. Вейдер дал ей крошечный намек на то, что должно произойти, на войну, которая должна разразиться, и на то, что его положение на Таттуине должно быть надежным. Шми не одобряла этого, но верила, что Вейдер делает все это, чтобы защитить свою семью, и поэтому перестала спорить с его методами. — Ты уже знаешь, чем хотел бы заниматься в один прекрасный день? — с мягкой улыбкой спросила Шми у Энакина. — Ну… — Энакин отодвинул еду на своей тарелке. — На самом деле я еще не знаю. Я мог бы стать пилотом, наверное. Но я не хочу быть контрабандистом. И на Федерацию я тоже не очень хочу работать, они похожи на кучку жадных трусов. Думаю, мне бы хотелось больше… действия. Шми и Вейдер обменялись взглядами. — В Среднем кольце и основных мирах есть множество планет, у которых есть собственный флот космических кораблей, — сказал Вейдер. — Конечно, флоту Республики нечем заняться в мирное время, особенно с таким идиотским и медлительным Сенатом. Но они

регулярно отправляют патрули, чтобы выслеживать контрабандистов и пиратов. — Энакин! — хмуро сказала Шми, в который раз глядя на старшего. — Я бы не чувствовала себя спокойно, зная, что мой сын — часть армии. Это опасная работа. — Не опаснее, чем оставаться на Таттуине, — ответил Энакин. Шми открыла рот для очередной реплики, и Вейдер с улыбкой откинулся на спинку кресла, с удовольствием наблюдая за их перепалкой. Он ни на секунду не верил, что Энакин окажется во флоте какой-то случайной планеты. ***— У нас недостаточно энергии, чтобы добраться до Корусанта. Гипердвигатель поврежден. Магистр джедаев Квай-Гон Джинн выслушал доклад капитана. Он был рад, что им удалось прорвать блокаду вокруг Набу, но, видимо, это было замаскированное благословение. — Мы должны приземлиться и отремонтировать корабль, — подумал он вслух. Его падаван Оби-Ван Кеноби уже закончил проверять варианты, прежде чем его учитель заговорил. — Вот, учитель. Таттуин — маленький, далекий и довольно бедный. Федерация не имеет на него никакого влияния. — Как вы можете быть в этом уверены? — спросил один из членов экипажа. Когда Учитель не ответил, Оби-Ван сказал: — Его контролируют хатты. — Вы не можете взять туда королеву, Хатты — преступники! — Что еще хуже, — пробормотал Квай-Гон, — за последние два года глава клана хаттов на этой планете менялся три раза. Они по-прежнему правят планетой, но что-то доставляет им большие неприятности. К сожалению, у нас нет особого выбора. Опасность ничем не отличается от той, что была бы, если бы мы приземлились на планете, контролируемой Федерацией. По крайней мере, хатты и все остальные на этой планете нас не ищут. Это даст нам преимущество. Остальные члены экипажа в конце концов согласились с планом. Двое джедаев отправились сообщить королеве об изменении планов. — Учитель, вы не знаете, что происходит на Таттуине? — поинтересовался Оби-Ван. — Боюсь, что новости из Внешнего кольца скудны, — ответил старший джедай. — Только потому, что смерть Джаббы Хатта вызвала восстание всей расы, охватившее несколько систем, я узнал об этом. — Что мы будем делать, если встретим источник этих волнений? Квай-Гон слегка улыбнулся. — Юный падаван, то, что мы отправляемся в место, таящее в себе пару скрытых опасностей, еще не означает, что мы с ними столкнемся. Оби-Ван остановился и с ужасом уставился на своего Учителя, который просто продолжал свой путь, не обращая на него внимания. — Правда, учитель? — воскликнул юноша. — Ты действительно в это веришь? Потому что это не так. У обоих джедаев был опыт спотыкания в "приключениях" и излишнего усложнения простых миссий. Чаще всего это происходило из-за привычки Квай-Гона подбирать примитивные формы жизни, как тот идиотский гунган. Оби-Ван ничего не мог с собой поделать, у него было очень плохое предчувствие.

http://tl.rulate.ru/book/103150/3573849